

УДК 329.3

Этапы развития теоретических подходов к проблеме безопасности и власти в XX веке

Орешева Диана Романовна

Аспирант,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
394005, Российская Федерация, Воронеж, Московский просп., 143;

e-mail: gdr5lipetsk@mail.ru

Аннотация

Понимание значимости разоружения неотделимо от понимания ценности международной безопасности. В статье описывается эволюция восприятия концепции разоружения и безопасности на основании положений различных парадигм, порожденных различными этапами Больших Дебатов. Проблема проанализирована с точки зрения шести основных и ряда менее значительных классических парадигм теории международных отношений.

Автор приходит к заключению, что классический многополярный мир обладает потенциалом к поддержанию стабильности. Как показывает история ядерного разоружения, борьба за региональное и мировое лидерство может протекать по правилам и ее можно контролировать. Так или иначе, противостояние на данных условиях означает сосуществование. С течением времени прогрессивная тенденция построения многополярного мира, которая активно развивается сейчас, имеет хорошие перспективы постепенно трансформироваться в более стабильную мировую систему.

Для цитирования в научных исследованиях

Орешева Д.Р. Этапы развития теоретических подходов к проблеме безопасности и власти в XX веке // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 1. С. 27-40.

Ключевые слова

Разоружение, безопасность, теория международных отношений, Большие Дебаты, многополярность, стабильность.

Введение

Важно понимать, что взгляд на разоружение неотделим от взглядов на международную безопасность как ценность, так как именно через него осуществляется целеполагание к разоружению. Так или иначе, на всем протяжении развития идеи разоружения к ней имелось два основных подхода – с идеалистических и с реалистических позиций, что диктовало как принимаемые меры как таковые, так и особенности их проведения. Сама постановка вопроса, разумеется, была бы невозможна без появления в начале двадцатого века классического либерализма. В качестве предвестника либерализма часто упоминают Иммануила Канта. В трактате «К вечному миру» (см.: [Kant, 2008]) он говорит о том, что в естественной природе человека заложено стремление жить и стремление к свободе и процветанию на протяжении своей жизни. А война, несмотря на то что, она является естественным состоянием, противоречит и свободе, и процветанию. Поэтому, даже победив в конкретном военном конфликте, общество, состоящее, скажем, из процветающих собственников, как правило, теряет очень многое.

**Вопросы разоружения с точки зрения
классических парадигм ТМО**

В своих допрезидентских статьях (выборка которых была составлена А. Хекшером к столетнему юбилею ученого [Heckscher, 1956]) Вильсон последовательно стоит на кантианском понимании политического либерализма, в духе классического труда «К вечному миру», при этом он признает все основные гоббсовские положения о существовании войны всех против всех, совершенно не отрицает значение силы и интереса в международных отношениях. Став же президентом США, он посвятил основную часть своей деятельности выработке документов,

которые должны были закрепить новый, глобализованный облик мира. В его знаменитых «14 пунктах» особенно интересен пункт четвертый: «Справедливые гарантии того, что национальные вооружения будут сокращены до предельного минимума, совместимого с государственной безопасностью» [President Woodrow Wilson's 14 points (1918), [www](#)]. Кризис, как никогда более отчетливо выявившийся в отказе Конгресса США ратифицировать Версальский договор, а следовательно, и создание нового института Лиги Наций, обозначил переход стратегической инициативы от классических либералов к классическим реалистам.

Тем не менее следует отметить, что вильсоновский дискурс, высоко ставящий как идеал всеобщего мира, так и практические меры коллективной безопасности и регионального международного сотрудничества, оказал большое влияние на идеи, например, социалистов, не всегда поддерживающих ортодоксальный марксизм (смотрите, например, интересный апристский панамериканский дискурс В.Р. Айя де ла Торре [Слинько, 2009]).

Со статьи Карра «20 лет кризиса» (см.: [Karr, [www](#)]), вышедшей в 1939 году, начался первый раунд так называемых Больших Дебатов¹. У него четко выявился отказ американского академического и политического сообщества от вильсоновского идеализма: концепции политического либерализма были денонсированы как неэффективные, «утопические». Критика состояла в следующем: если идеей Вильсона было то, что возможна выработка корпуса международных договоров, нарушение которых невыгодно ни одной из сторон, и в этом было некое, по Карру, рациональное зерно, то текущее развитие послевоенной ситуации показало, что само заключение данных договоров невозможно, поскольку это не в интересах государств. Уже после Второй мировой войны (в 1948 году) критическую позицию серьезно углубил Г. Моргентау, основоположник классического реализма как течения. В своей книге «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир» (см.: [Morgentau, 1961]) он говорил, что люди воюют не потому, что у них есть оружие. У них есть оружие, потому что они считают необходимым воевать.

1 Дискуссии, развернувшиеся среди теоретиков международных отношений и проходившие между приверженцами основных парадигм теории – либерализма, реализма, неолиберализма, неореализма и постпозитивизма.

Что касается послевоенного периода, то, как и предсказывал Г. Моргентау, это было время господства политического реализма как в теории, так и в политической практике сверхдержав. Для СССР на тот момент ведущим вектором дискурса являлась, напротив, максимально быстрая разработка, а потом и производство ядерного оружия с целью сохранения паритета с США как с ведущим геополитическим и экономическим соперником в рамках «холодной войны». Разоружение как дискурсивное понятие вновь появляется уже при Н.С. Хрущеве, в шестидесятые, когда ядерный паритет был достигнут, а ядерное сдерживание как военная доктрина стало залогом более или менее, как казалось, прочного мира.

В свою очередь, за океаном риторика неоднократно менялась. Так, Эйзенхауэр, собственно, и ввел в оборот доктрину «массированного возмездия», чтобы не просто поддерживать ядерный паритет с СССР, но держать такой уровень ядерных сил в боевой готовности, чтобы в случае сколь угодно эффективного удара всеми наличными ядерными силами СССР иметь достаточно уцелевших боеголовок для превосходящего ответа. «Массированное возмездие» стало, пожалуй, краеугольным камнем в доктрине использования ядерного оружия. Вскоре понимание Эйзенхауэром «возмездия» как неизбежной контрмеры в случае ядерной войны было отброшено, вместо этого реализм привел к формированию концепции «гарантированного взаимного уничтожения». Дж.Ф. Кеннеди же, в свою очередь, воплощал в себе в некотором роде идеалистический подход. Так, еще до войны он опубликовал книгу «Почему спала Англия», в которой с неовильсоновских, либеральных позиций рассмотрел проблему противостояния демократических и недемократических режимов [Бринкли, 2013].

Вопросы разоружения с точки зрения современных парадигм ТМО

Проблема в том, что обе магистральные теории, определявшие как советские, так и американские подходы к разоружению, а именно классический, вильсоновский либерализм и классический, по Моргентау, реализм, в это время были качественно пересмотрены.

В 1979 году выходит книга Кеннета Уолтца «Теория международной политики» (см.: [Waltz, 1979]), ревизирующая реализм согласно актуальному положению дел: поскольку оба блока не могут быть уверены в будущих намерениях оппонента, то между ними возникает недоверие. Эту нехватку доверия, основанного на неопределенности, называют «дилеммой безопасности».

Она же, по мнению Уолтца, явилась движущей силой Карибского кризиса. Вопрос, по мнению неореалистов, подкрепляемому договорами ОСНВ, в том, что, продолжая вести себя достаточно анархично вовне, сложившаяся государственная система (иерархическая и автаркичная) ставит сохранение своей структуры выше, чем достижение своих интересов. Внешняя активность заменяется внутренним сосредоточением, и шансы на войну гораздо ниже. Гегемонистская стабильность, выгодная ведущим государствам в блоках, поддерживается ими же, поскольку только они имеют возможность сохранить порядок (яркий пример – Ядерный клуб и дальнейшее нераспространение ядерного оружия согласно одноименному документу ООН).

Однако с распадом СССР верность положений неореализма начал оспаривать неолиберализм. Крушение СССР прошло не просто на фоне третьего этапа Больших Дебатов²: оно, собственно, обусловило их именно как дебаты. Достаточно мирный, в основном ненасильственный коллапс социалистической системы не мог быть полностью объяснен средствами неореализма. И уж тем более он не мог объяснить, почему при коллапсе определенной гегемонистской системы многие ее элементы переподтвердили актуальность своих форм. Механизмы разоружения, построенные на фундаменте биполярного мира, продолжили функционировать.

Заявку на разъяснение новой позиции России и всего «второго мира» сделали именно неолибералы, которые были неразрывно связаны с монетаризмом и нарождающимися корпоративистскими подходами к макроэкономике и, как следствие, социологии. Наиболее авторитетные неолибералы раннего периода, Роберт Манделл и Маркус Флеминг, в своих работах развили постулат классического либерализма о взаимозависимости. Они – и прежде всего Джозеф Най – истолковали его буквально, сделав из развала социалистического лагеря важный вывод об

2 Третий этап споров между теоретиками международных отношений, прежде всего неореалистами и неолибералами, не может считаться вполне завершенным до нашего времени.

окончательной глобализации экономики. Россия, так или иначе оставшаяся без советских экономических структур, была вынуждена окончательно интегрироваться в мировую экономику, как это уже сделал Китай. Интегрировавшись в экономическую систему, она неизбежно оказалась интегрирована в политическую, что, казалось бы, в полной мере подтверждал официальный курс РФ в 90-е годы. Собственно, именно это встраивание в свою систему бывшего противника, опираясь на экономическое сотрудничество неизмеримо больше, чем на военную силу, и смена элит с их реморализацией в сторону привлечения именно ценностным содержанием политики и дали Наяу аргументы и экспериментальные данные для в целом уже сформированной «мягкой силы» [Най, 2006]. Эта идея радикально противостояла неоконсервативным (читайте – неореалистическим) подходам военного контроля и превентивной ориентации на конфликт. Кажущаяся – и декларируемая – общность демократических ценностей США и новой администрации Российской Федерации открыла, как считали в Вашингтоне, путь если не к деидеологизации, то к деполитизации работы по разоружению.

В дальнейшем были призваны к жизни идеи институционализма как возвращения к социальной прагматике политики. В своих работах канадский экономист Д.К. Гэлбрайт развивал предшествующую политическому институционализму идею о корпоративной структуре управления как о «техноструктуре», управляющей в интересах как себя, так и управляемых, причем управляющей в интересах безопасности и расширения, а не максимизации прибылей или сверхценных идей [Советская критика теории постиндустриального общества, 1974]. Именно эта идея, полемизирующая с концепцией «восприятия ценностного наполнения политики» Наяу, и была взята на вооружение внешней политикой РФ после 2000 года в противоположность неолиберальному вектору 1990-х. Дуглас Норт в процессе создания неоинституционализма вообще переосмыслил роль институтов, которая воспринималась как критическая для экономики, утверждая, что институты в гораздо большей степени обуславливают эффект экономики, чем экономика – форму институтов [Норт, 2013, www]. Его построения показывали, что перестройка экономики в рыночную, предпринятая постсоветскими неолиберальными кабинетами, совершенно не означала необходимости перестройки институтов вслед за ней (в дальнейшем схожие выводы по разви-

тию нелиберальных демократий только упрочат эту точку зрения). И экономические связи с Западом совершенно не означали необходимости встраиваться в «демократический мир», но, напротив, перепостроением государственного аппарата можно было уравновесить экономическую ситуацию. И, соответственно, совершенно не обязательно было подчинять логику сокращения вооружений чикагскому мегатренду сокращения бюджетных издержек. Другими словами, можно было вернуться к выстраиванию баланса сил в интересах своей страны. В итоге неоинституционализм как у нас, так и на западе рассматривает экономику, мировую политику и политическое право сугубо как часть социального ландшафта. Именно противодействием общества, не готового приносить свои прежде всего социальные интересы в жертву идеям «демократического мира», и объясняется последовательный отход от козыревской линии и вообще закрытие для Российской Федерации неолиберальной повестки.

С другой стороны, благодаря деятельности Франкфуртской школы постмодернизм в достаточной степени укоренился в политике, однако очень долгое время оставался все же оппозиционным, маргинальным течением. Его политический зенит, казалось, пришелся на 1968 год, когда вопросы, поставленные в том числе и по проблематике мира и насилия, не нашли у администрации де Голля адекватных ответов. Именно на этом этапе, этапе ситуационистского интернационала, этапе максимальной деконструкции политикума, работал Юрген Хабермас, приспособивший концепции того времени и к современности. С его точки зрения, политические вопросы, в частности вопросы ядерного разоружения, ядерного баланса и взаимодействия стран Ядерного клуба, давно интериоризованы в узком кругу экспертов [Фурс, 2000]. В итоге возникает патовая ситуация, от которой страдал еще Вудро Вильсон при попытке внедрить Лигу Наций в оборот американской внешней политики: вопросы стоят перед всем обществом и вызывают его самый острый интерес, в то время как ответы в принципе непонятны широкой публике, на судьбу которой непосредственно влияют.

С другой стороны, дать постмодернистские ответы на модернистские вызовы оказался способен и широко понятый реализм в лице наиболее плодотворной американской школы. Именно с именем Ричарда К. Эшли, профессора Аризонского университета и автора книги «Геополитика геополитического

пространства» (см.: [Ashley, 1987]), связано истинное проникновение концепций постмодернизма в академическую политологию. Хотя Ричард К. Эшли не раз упоминает, что скорее пытается навести мосты между постмодернизмом и неореализмом, между Фуко и Уолтцем, нам он интересен сам по себе. Эшли делает выводы о том, что концепции Юргена Хабермаса об экспертном знании, по сути, являются отражением и антитезисом концепций реалистов о силе.

Следует отметить примыкающий к политическому постмодернизму конструктивизм. Конструктивизм есть попытка альтернативно неолиберализму, да и неомарксизму объяснить реальность падения биполярного мира. С точки зрения конструктивистов, политическая реальность того или иного явления, черты, которые оно принимает, определяющим образом зависят от идейного наполнения: ценности и правила могут быть произвольно, но осознанно подправлены в интересах безопасности, стабильности и развития. С этой точки зрения реальность естественным образом сперва выдвинула новое явление (ядерное оружие как физический объект и явление) и только потом потребовалось его аксиологическое оформление (Договор о нераспространении ядерного оружия). Однако как до, так и после такового Ядерный клуб был безболезненно расширен, причем ценностное обоснование расширения каждый раз приводилось *ad hoc*. Следовательно, восприятие одного и того же явления в международных отношениях может различаться в зависимости от условий, в которых находятся государства [Морозов, 2015, [www](#)].

Выводы

Так или иначе, преодоление неолиберализма через неоинституционализм сопровождалось также поисками новых путей во внешней политике в принципе и в мирном процессе в частности. Наконец был преодолен и сугубо западный вектор российской политики. Начавшееся сближение России и Китая проходит, разумеется, ни в коем случае не на неоинституционалистском базисе (несмотря на усилия сторон, объем трансграничного сотрудничества все еще был недостаточен), а, скорее, на неомарксистском. Валлерстайновский неомарксизм давал определенные ответы (в частности, на вопрос о периферии, к которой Россия,

по мнению многих как левых, так и националистических политиков, безусловно стала относиться после 1991 года). Некоторые в период «после Тяньаньмэнь» называли безусловным членом периферии и Китай как источник безусловно эксплуатируемой Западом (через перенос производств) рабочей силы. Однако неомарксистский дискурс в отношении России и Китая не принял антизападной направленности: обе стороны сотрудничали с Западом экономически и были заинтересованы в разрешении существующих противоречий (будь то так и не заключенный договор СНВ-II или тайваньская проблема) дипломатическими методами. Сотрудничество в постмарксистских рамках было налажено именно по линии помощи периферии в обретении субъектности. С другой стороны, Россия и Китай оказываются на одной стороне неомарксистского дискурса, но уже против периферии, в деле обеспечения безопасности против угроз исламского терроризма, глубоко периферийного по своей сути. Именно проблемы в Чечне и Синцзяне, при их фундаментальной схожести, привели к увеличению военного сотрудничества России и Китая до степени его оформления в 2001 году в Шанхайскую организацию сотрудничества, в которой наблюдательский статус имеет и Индия, и Пакистан. Таким образом, ШОС является постоянно действующей площадкой для дискуссии сразу четырех государств Ядерного клуба, то есть всех, кто является периферией по Валлерстайну. Точно так же, объединившись в рамках БРИКС еще и с Бразилией и ЮАР, страны, вплотную подошедшие к созданию ядерного оружия (а в случае с ЮАР, видимо, уже перешедшие этот рубеж, но добровольно отказавшиеся от продолжения, хотя тут все зависит от толкования «инцидента Вела»³), Россия окончательно стабилизирует и побуждает периферию, являющуюся носителем потенциала, к изменению сложившейся конфигурации Ядерного клуба. Именно это начало оперативной координации заставляет нас говорить о возможном развитии альтернативного диалога.

Неомарксизм в довольно большой степени отрицает многополярный мир, о котором ранее так много говорили в России. Многополярный мир, не будучи способным уложиться в иерархическую, фундированную торговыми и научно-техническими вертикальными связями систему, не будет обеспечивать своим

3 Спорный инцидент, произошедший в 1979 году в ЮАР, может быть признан испытаниями южноафриканского ядерного оружия.

членам какой бы то ни было стабильности. В то же время еще Валлерстайн в позднейших статьях утверждал, что даже если периферия преодолевает диктат центра локально, это приведет только к созданию дополнительной системы эксплуатации с новым центром и новой периферией, набранной уже из отколовшихся. Однако сравнивая многополярный мир с однополярным миром, рефлекслируя именно такой опыт раннего СССР и ранней КНР, мы должны прийти к выводу, что, по опыту создания систем взаимного поддержания гегемониальной стабильности в ходе «холодной войны», организованный подобным образом мир куда более стабилен и способствует более быстрому и эффективному разрешению конфликтов, чем текущий молодой условно-многополярный мир, следовательно, он является более перспективным.

Суть этой перспективы ясна. Классический многополярный мир, будучи рассмотрен как с реалистических либо марксистских, так и с неоинституциональных позиций, не обещает стабильности. Проходя через бесконечные анархические циклы борьбы за влияние, он может предложить только одну геополитическую реальность – гоббсовскую войну всех против всех (неважно даже, вооруженную либо торговую, так как они легко переходят друг в друга). В какой-то мере это состояние тоже можно было бы, вслед за «старой» реалистической школой, назвать стабильным и даже вечным, но только в том случае, если бы ему не было альтернативы.

Альтернатива, однако, есть. Постнеореалистская мысль о гегемонистской стабильности, о соревновании «больших пирамид» по неким стабилизирующим правилам смыкается с неоинституционалистской мыслью о перестроении государственной и экономической структуры под задачу сохранения социальной стабильности и ответа на актуальные вызовы. Тем самым русско-китайский проектный блок, осознавая себя как наднациональную структуру, созданную для противодействия вызовам «пирамиды», уже выстроенной вокруг США, неизбежно должен осознать себя как подобную же пирамиду.

Разумеется, противостояние наднациональных макросистем приведет к масштабнейшей со времени «холодной войны» гонке вооружений. Но подобного рода бесконечное соревнование, как доказывает история ядерного разоружения, может и неизбежно будет проходить по правилам. Соревнование же по

правилам – это, так или иначе, сосуществование. Прогрессивный на данный момент тренд многополярности со временем постепенно трансформируется в более стабильную систему.

Библиография

1. Бринкли А. Джон Фицджеральд Кеннеди. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2013. 352 с.
2. Договор о нераспространении ядерного оружия: одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml
3. Карр Э.Х. Двадцать лет кризиса: 1919–1939. Введение в изучение международных отношений. URL: <http://grachev62.narod.ru/tmo/chapt02.html#p1>
4. Морозов В. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 1 (40). URL: <http://www.intertrends.ru/tenth/007.htm>
5. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006. 397 с.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6310>
7. Слинько А.А. Демократия без насилия: биографическое эссе. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009. 262 с.
8. Советская критика теории постиндустриального общества // Молодой коммунист. 1974. № 3-4.
9. Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск: Экономпресс, 2000. 224 с.
10. Ashley R.K. The geopolitics of geopolitical space: Toward a critical social theory of international politics // Alternatives: global, local, political. 1987. No. 12. P. 403-434.
11. Heckscher A. (ed.) The politics of Woodrow Wilson: Selections from his speeches and writings. N.Y.: Harper & Brothers, 1956. 389 p.
12. Kant I. Zum ewigen Frieden: Ein philosophischer Entwurf. Stuttgart: Reclam, 2008. 85 S.

13. Morgentau H.J. Politics among nations. The struggle for power and peace. 7th ed. N.Y.: McGraw-Hill Education, 2006. 752 p.
14. President Woodrow Wilson's 14 points (1918). URL: <http://www.ourdocuments.gov/doc.php?doc=62>.
15. Waltz K. Theory of international politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979.

The stages of development of theoretical approaches to the problem of security and power in the 20th century

Diana R. Oresheva

Postgraduate,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

394005, 143 Mosovskii ave., Voronezh, Russian Federation;

e-mail: gdr5lipetsk@mail.ru

Abstract

Understanding significance of disarmament is inseparable from the understanding international security as a value, because the disarmament is implemented through a goal-setting process. The article describes the evolution of the perception of disarmament and security concepts in different paradigmatic positions generated by the different stages of the Big Debates. The problem is analyzed from the viewpoint of the six major and a number of minor classical paradigms of theory of international relations. The author provides cause-effect examples of different approaches to the problem of disarmament in practice of international relations. The article highlights current issues of neoinstitutionalism and a tendency for "pyramid"-building around major world powers, as well as the prospects for disarmament in such circumstances. The author concludes that classic multi-polar world has a high potential to maintain stability and to respond to the current challenges. As the history of nuclear disarmament shows,

the competition for regional and world dominance is endless, however, it can follow the rules and it can be controlled. In one way or another, the competition under such terms means coexistence. Over time, the progressive trend of building a multipolar world which is taking place nowadays has a good prospect to gradually transform into a more stable world system.

For citation

Oresheva D.R. (2016) Etapy razvitiya teoreticheskikh podkhodov k probleme bezopasnosti i vlasti v XX veke [The stages of development of theoretical approaches to the problem of security and power in the 20th century]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 1, pp. 27-40.

Keywords

Disarmament, security, theory of international relations, the Big Debates, multipolarity and stability.

References

1. Ashley R.K. (1987) The geopolitics of geopolitical space: toward a critical social theory of international politics. *Alternatives: global, local, political*, 12, pp. 403-434.
2. Brinkley A. (2012) *John F. Kennedy*. New York: Times Books Henry Holt and Company, LLC. (Russ. ed.: Brinkli A. (2013) *Dzhon Fitsdzheral'd Kennedi*. Moscow: Inostranka, Azbuka-Attikus Publ.)
3. Carr E.H. (1946) *The twenty years' crisis, 1919–1939: an introduction to the study of international relations*. London: Macmillan. (Russ. ed.: Karr E.Kh. *Dvadsat' let krizisa: 1919–1939. Vvedenie v izuchenie mezhdunarodnykh ot-noshenii*. Available at: <http://grachev62.narod.ru/tmo/chapt02.html#p1> [Accessed 18/11/15].)
4. Furs V.N. (2000) *Filosofiya nezavershennogo moderna Yurgena Khabermasa* [Jürgen Habermas' philosophy of unfinished modernity]. Minsk: Ekonompress Publ.
5. Heckscher A. (ed.) (1956) *The politics of Woodrow Wilson: Selections from his speeches and writings*. New York: Harper & Brothers.

6. Kant I. (2008) *Zum ewigen Frieden: Ein philosophischer Entwurf*. Stuttgart: Reclam.
7. Morgentau H.J. (2006) *Politics among nations. The struggle for power and peace*. 7th ed. New York: McGraw-Hill Education.
8. Morozov V. (2015) Ponyatie gosudarstvennoi identichnosti v sovremennom teoreticheskom diskurse [The concept of national identity in the modern theoretical discourse]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International trends], Vol. 13, 1 (40). Available at: <http://www.intertrends.ru/tenth/007.htm> [Accessed 28/12/15].
9. North D. (1990) *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press. (Russ. ed.: Nort D. (2013) *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki*. Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6310> [Accessed 11/09/15].)
10. Nye J. (2004) *Soft power: The means to success in world politics*. New York: Public Affairs Group. (Russ. ed.: Nai Dzh. (2006) *Gibkaya sila. Kak dobit'sya uspekha v mirovoi politike*. Moscow: Trend Publ.)
11. *President Woodrow Wilson's 14 points (1918)*. Available at: <http://www.ourdocuments.gov/doc.php?doc=62>. [Accessed 22/07/15].
12. Slin'ko A.A. (2009) *Demokratiya bez nasiliya: biograficheskoe esse* [Democracy without violence: a biographical essay]. Voronezh: Voronezh State University.
13. Sovetskaya kritika teorii postindustrial'nogo obshchestva [Soviet criticism of the theory of post-industrial society] (1974). *Molodoi kommunist* [Young Communist], 3-4.
14. *The treaty on the non-proliferation of nuclear weapons: approved by resolution 2373 (XXI) of the General Assembly on 12 June 1968*. (Russ. ed.: *Dogovor o nerasprostraneni yadernogo oruzhiya: odobren rezolyutsiei 2373 (XXII) General'noi Assamblei ot 12 iyunya 1968 goda*. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml [Accessed 23.11.15].)
15. Waltz K. (1979) *Theory of international politics*. Reading, MA: Addison-Wesley.